

К Р О К О Д И Л

К 556 / 415

Рис. Бор. Ефимова

ВИДЫ НА ЛЕНИНГРАД

— Удивительно, Фриц, так близко находимся от Ленинграда, а города не видно!

Рис. А. Каневского

Пленные немецкие солдаты рассказывают, что многие воинские части живут впроголодь.

— Передай повару, что он приготовил отличное жаркое. А кости отнеси моей собаке. Пусть и она полакомится.

— Невозможно, господин капитан! Жаркое было приготовлено из вашей же собаки.

Дурные сны

ШВЕЙЦАРСКАЯ газета «Националь-цейтунг» сообщает, что германские власти запретили редакторам газет и журналов при оценке войны на Востоке делать какие-либо исторические сравнения. Категорически запрещено сравнивать в какой бы то ни было связи эту войну с походом Наполеона на Россию. Вместе с тем администрации театров предложено снять с репертуара спектакли, в которых фигурирует Наполеон.

Что ж, картина вполне ясная. В медицине это называется «мания преследования». Нетрудно себе представить Гитлера в роли сумасшедшего.

Спит Гитлер плохо. Просыпается желтый, опухший, со вкусом жеваной резины во рту. Просыпается и нервно звонит:

— Позвать Геббельса!

Входит Геббельс:

— Изволили звать?

— Изволил.

— Что прикажете?

— Ты что ж это себе позволяешь, любезнейший?— строго говорит Гитлер.

— В каком смысле?— робко спрашивает Геббельс.

— А вот я тебе сейчас скажу, в каком. Ты у меня кто?

— Министр пропаганды-с.

— Гм. Какой же ты министр пропаганды, когда у тебя даже снов порядочных нету?!

— Снов?

— Ну да, снов. Опять мне всю ночь мерзкие сны показывали.

— То есть в каком, так сказать, смысле?

— А в таком самом! Опять мне всю ночь Наполеон снился, будь он трижды проклят. Что ж это такое, любезнейший? Если у тебя самому фюреру такие паскудные сны снятся, то можно себе представить, какая дрянь снится каждую ночь обыкновенному рядовому немцу.

— Помилуйте. Но при чем же здесь я?

— Тебе подчиняются все зрелища?

— Подчиняются.

— А сон, по-твоему, что такое?

— Не могу знать.

— Ну и дурак! Сон видят?

— Так точно. Видят.

— Раз сон видят,— значит, он зрелище?

— Так точно. Зрелище.

— Ну, вот и выходит, что ты не можешь для своего фюрера даже зрелище приличное организовать. Тыфу!

— Виноват.

— То-то. «Виноват». Смотри у меня. Еще один раз увижу во сне Наполеона—шлепну на месте. Будешь у меня знать. И вообще, что это за безобразие: всюду, куда ни помотри,— исторические параллели. Пошел вчера в театр, думал малость развлечься, и что же идет в театре?

— А что-о?— побледнел Геббельс.

— А то самое. Пьеска.

— Так точно... Очень веселое произведение-с...

— Веселое? А кто там участвует? Наполеон там участвует. Понимаешь?

— Н... никак нет.

— Не понимаешь? Я тебе говорю немецким языком! На-по-ле-он. Разве это допустимо? Немецкий зритель видит на сцене Наполеона, и ему в голову лезут всякие вредные мысли: дескать, поход на Россию, разгром, бегство... Некрасиво!

— Так точно. Немедленно прикажу снять с репертуара.

— Давно пора. А автора расстреляй!

— Он уже умер.

— Жалко. А наука проходит по твоему министерству?

— Так точно. По моему-с. А что?

— Так что же ты, сук-кин сын, позволяешь у себя в учебниках писать?

— А что-с?

— Смотри, негодяй!

Гитлер открыл хрестоматию:

— Видишь?

— Где-с?

— А здесь. Читай: что написано?

— Написано «Четыре времени года: весна, лето, осень и зима».

— Зима?— подозрительно посмотрел Гитлер на Геббельса.

— Так точно-с... зима... А что, разве...

— Идиот! Немецкий мальчик посмотрит в хрестоматию, увидит слово «зима», и ему в голову ползут всякие вредные мысли: дескать, Наполеон, поход на Россию, поражение и так далее... некрасиво! Так?

— Так точно.

— Прикажи выбросить.

— Кого-с?

— Зиму. Пусть пишут не «четыре времени года», а «три времени года». Благонадежным немцам совершенно достаточно трех времен года: весна, лето и осень. Просто, но мило. А зима—совершенно лишнее. Убрать!

— Слушаюсь.

— Стулай. Да, подожди. И еще, это самое... Распорядись, чтобы сны немецкому населению показывали более приятные. А то все убитые да убитые... три миллиона убитых. Некрасиво! Это может навести немецкое население на дурные мысли... А я этого терпеть не могу.

— Слушаюсь.

Оставшись один, Гитлер на цыпочках подкрался к книжному шкафу, достал том энциклопедического словаря на букву «н», нашел статью «Наполеон», вырвал ее и с наслаждением бросил в камин. Глаза его дико блуждали.

Валентин КАТАЕВ

— Осторожней чихайте, обер-лейтенант! Не то снова капнете в расположение 42-й дивизии.

✓ Ворон и вороненок

НА ВЫСОКОМ суку сидели старый ворон и молодой вороненок и разговаривали.

Вороненок сказал:

— Худые времена настали, дедушка! Вчера немецкая мина как шарахнет по сосне, на которой я сидел,—так я едва богу душу не отдал.

— Мина—это чепуха!—прокаркал старый ворон.

— Ну, это вы хватили, дедушка! Что может быть хуже мины?!

— В суп солдатский попасть—вот что хуже мины,—сказал старый ворон.—Я в 1812 году попадал, знаю. Меня наполеоновские гранадеры хотели сварить. Я тогда молодой был, жирный. Едва вырвался, половину перьев растерял.

— Немцы ворон не едят!

— Французы тоже не ели. А подошла зима, голодуха их скрутила—вот они и кинулись на нас, ворон. Обожди, внучек, придет зима—и немцы будут кидаться.

— А, наверно, это очень неприятно, когда

из тебя варят суп?—брезгливо передернул крыльями молодой вороненок.

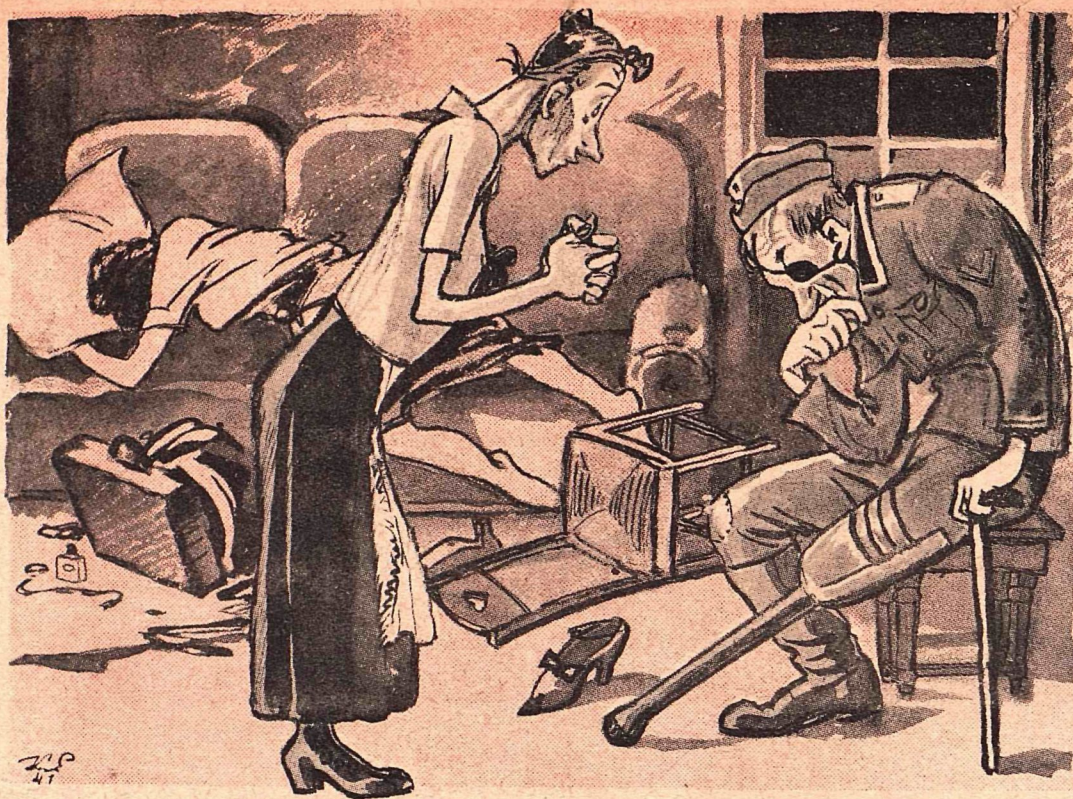
— Да уж мало приятного! И тому, кого варят,—худо и тому, кто варит,—невесело. Ну, собирайся, полетим. Тут в лесочке я одного немецкого ефрейтора видел, поклюем, пока не стреляют. Как говорится, сначала мы их, потом они нас.

Птицы взмахнули крыльями и полетели.

Леонид ЛЕНЧ

Действующая армия.

Рис. К. Елисеева

— Почему Марта так убивается?
 — Большая неприятность: я не тот номер туфель привез ей с фронта.

Неожиданное признание

ПЕРЕД нами финский пленный. Он небольшого роста, худой, обдерганный.

По временам он выгребает из кармана сухой горох и жуует его.

На вопросы пленный отвечает с готовностью и даже с усердием. И при этом сконфуженно улыбается.

Выясняется, что он маляр по профессии. И к военной карьере не готовился. У него грыжа и еще что-то. Тем не менее вот уже второй раз его берут на войну, к его крайнему изумлению.

В первую войну с русскими ему повезло. Благодаря господу богу он попал на фронт за три дня до окончания войны. Если бы так шло всякий раз, тогда воевать еще можно было бы. Но в эту войну его взяли с первых дней, и он почти что два месяца не вылезает из окопов. И он пришел к мысли перейти к русским.

Конечно, это было не легко сделать: за ним следили, и в разведку его посылали с надежными людьми.

Но сегодня ночью, выйдя в разведку, он спрятался в камнях и на рассвете сдался в плен.

Комиссар спросил пленного:

— А что, много в вашей роте солдат, которые хотели бы поступить так же, как вы?

Пленный ответил:

— Да, их много у нас. Четыре солдата мне сами сказали, что они хотели бы сдаться. А некоторые боятся говорить, но непременно это сделают.

— Чем же вы объясняете это явление? — спросил военком.

Тяжело вздохнув, пленный ответил:

— Некоторым надоело воевать. Другие не знают, за что воюют. А лично я был недоумен, что стрельба идет круглые сутки.

Комиссар сказал:

— В первую войну тоже стреляли круглые сутки...

Сконфуженно улыбувшись, пленный ответил:

— Нам тогда сказали, что русские мучат и убивают пленных. Но потом мы выяснили, что это не так.

— Как же вы выяснили? — спросил комиссар.

Пленный сказал:

— Некоторые наши солдаты находились у вас в плену. Так они остались очень довольны. И питание, говорят, было хорошее, и отношение самое дружеское... У нас в роте тоже был один из пленных. Так он говорил: даже читали ему вслух. Это его больше всего удивило, что ему вслух читали. И он опять решил перейти к вам. И он в прошлую пятницу перешел к вам. Может, помните, такой пузатый, с усами?

— Ах, верно, кажется был такой, — сказал комиссар.

— Был, был. Я же знаю, — сказал пленный. — Я же с ним перед этим разговаривал. И я тогда еще подумал: дурак я буду, если тоже не перейду. Человек я в возрасте. Болезненный. Питание мне надо усиленное. И пусть мне вслух читают — я тоже не против этого.

Признание было неожиданное. И все находящиеся в комнате комиссара засмеялись.

Пленный восторженно. Он не понял, почему засмеялись. И с тревогой в голосе спросил:

— Может быть, это неправда?

Комиссар сказал:

— Нет, вам не соврали. У нас отношение к пленным самое наилучшее.

Глаза пленного радостно засияли. И он сказал:

— Значит, выходит, что я не ошибся. Ведите меня.

Пришел конвойный, и пленный, вежливо поклонившись, вышел из помещения.

Мих. ЗОЩЕНКО

Рис. И. Семенова

— Наши матросы даже после дрались!
 — Бедняги! Что они могли сделать!
 — При чем тут крейсер! Они шлюпках.

Метким

Смех, веселая шутка — всегда желанным и заслуженным успехом у читателей. Приводимые ниже выдержки из «Защитник отечества», «Часовой» и др. Редакция и в дальнейшем будет рада и юмора во фронтовой печати.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Геббельс сам себя хвалил: «Я Москву дотла сжигал!» Он «сжигал» ее раз двести, А она стоит на месте!

(«Красный черноморец».)

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

(Разговор немецких солдат)

— Я тебе скажу совершенно точно: в этом секторе наши устраивали привал.

— Откуда ты знаешь?

— Посмотри сам — ни одной курицы у воров.

Только перья валяются: все съедено.

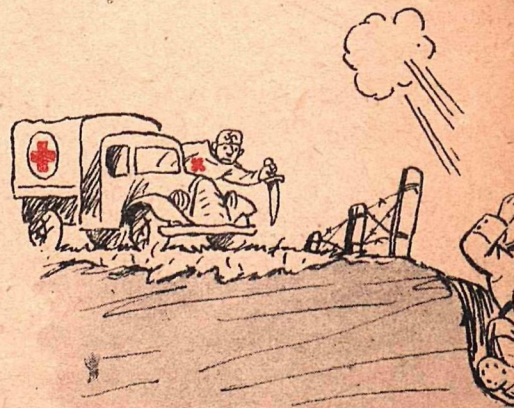
— Ну тогда я тебе скажу, что здесь они стояли не меньше суток: собак и кошек тоже не видно.

(«Красная Армия».)

МОДНАЯ ПРОФЕССИЯ

— Передайте Гимmlеру, пусть выпустит воев. На фронт посылайте некого.

Рис. Г. Валька.

гибели корабля продолжают отчаянно
ать против неприятельского крейсера!
дрались из-за мест в спасательных

ударом

анские гости у наших бойцов и командиров.
зо фронтовой и флотской печати пользуются
этих читателей.
из сатирических отделов газет «Ворошило-
Севера», «Ленинский путь», «Знамя родины»
акомить своих читателей с образцами сатиры

— Простите, господин фюрер, воры в расходе:
пришлось выдвинуть на работу в министерства.

(«Патриот родины».)

ТОЧНЫЙ ОТВЕТ

Откуда болгарские газеты черпают свои ин-
формации?
— Из мусорной ямы Геббельса.

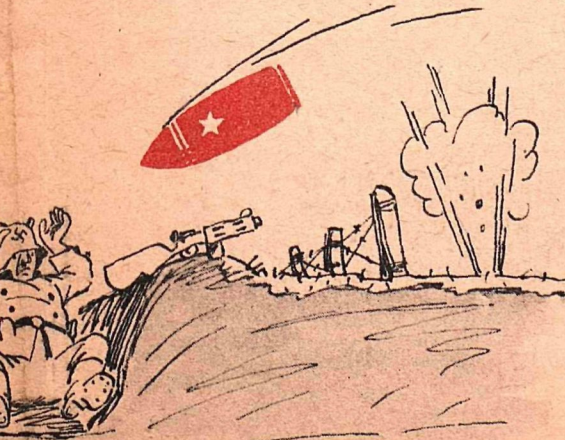
(«Ленинский путь».)

ТЕРЯТЬ НЕЧЕГО

— Теперь, Фриц, в нашей части потерь почти
не будет.
— Почему?
— А нам больше терять нечего. От полка и так
нового восемь человек осталось.

(«Часовой Севера».)

Немецкое командование отдало распоряжение
прикачивать своих тяжело раненых солдат.

двух огней.

С своею ротою голодной
Выходит на дорогу Вольф.

Пробуждение маршала

НЕОГРАНИЧЕННЫЙ повелитель Виши,
этого курорта для подагриков, маршал
Петэн задремал в кресле.

И приснился ему 1915 год. Будто он снова
в Вердене, окруженный врагами немцев, храб-
рыми защитниками прекрасной Франции.

Старый маршал довольно улыбался. В по-
следнее время ему только во сне и удавалось
встречаться с приличными людьми.

В комнату вошел адъютант.
— Ваше высокопревосходительство! — гарк-
нул он еще с порога. — Вас пришли приветст-
вовать добровольцы крестового похода...

— Что?! А?! — очнулся Петэн. — Добро-
вольцы?!

И, сделав попытку подняться с кресла, он
старчески зашамкал:

— Где эти славные ребята, мои хорошие
французы, жаждущие прогнать с полей на-
шей чудной родины поганых пруссаков?

Испуганный адъютант бесцеремонно схватил
его за плечо:

— Вы с ума сошли, ваше высокопревосходи-
тельство? Какие поганые пруссаки?! Теперь
нет поганых пруссаков!.. Теперь эта сволочь...
гм, гм... это ваши друзья и защитники «нового
порядка»...

Тут Петэн окончательно проснулся и все
вспомнил. Так старая парижская проститутка
просыпается в заплеванном номере дешевой
гостиницы после розового сна, в котором она
видела себя маленькой девочкой, справляющей
день маминного рождения.

Да, только во сне и мог маршал Петэн удо-
стоиться чести беседовать с французскими
патриотами. Наяву все французское поверга-
ло его в трепет. Даже французские булки,
подаваемые утром к завтраку, внушали опасе-
ния. Все-таки, французские! Чего доброго, еще
взорвутся в желудке или нарочно застрянут
в горле, чтобы оборвать жизнь оккупирован-
ного правителя неоккупированной зоны.

Портреты Фоша и Клемансо пришлось снять
со стены. Больше Петэн не мог переносить их
гневных взоров. А недавно правитель вызвал
адъютанта и приказал убрать бюст Наполео-
на, стоявший на бронзовом постаменте.

— Как-то подозрительно он на меня косит-
ся, капитан. Уберите-ка от греха подальше.
А то еще на голову свалится.

Адъютант убрал Наполеона.
— Прикажете заменить кем-нибудь из но-
вых друзей, ваше высокопревосходительство?..
Есть, например, у нас медный Муссолини...

Петэн поморщился:
— Уж больно рожа разбойничья... Кого-ни-
будь попрличней бы?

— Есть дубовый Геринг... Отлично испол-
нено резчиком...

Петэн опять скривился:
— Как же я Геринга буду оставлять одно-
го в кабинете?.. У меня тут ценные вещи, ящи-
ки не заперты...

И все-таки первый вор Германии водрузился
на место первого полководца Франции.
Весть о приходе добровольцев «крестового
похода» мало обрадовала Старого Маршала.

Повозившись в кресле, он спросил:
— А они, эти добровольцы... гм... того...
вооружены, капитан?

— Как говорится, до зубов, ваше превосходи-
тельство. Сам адмирал Дарлан вооружали...
у всех револьверы, винтовки...

Петэн кинул на него презрительный взгляд:
— Вы идиот, капитан... Мы, Филипп Петэн,
не можем выйти к французам, вооруженным
до зубов... Они, французы, могут нас, Филип-
па Петэна, пристрелить, как куропатку...

— Но какие же это французы! — оправды-
вался смущенный адъютант. — Так, всякое
дерьмо... Можете смело выходить, ваше высо-
копревосходительство... Это ваши вернопод-
данные добровольцы, они пришли приветство-
вать...

Старый маршал тяжело вздохнул:
— Лавала они уже приветствовали... Нет,
капитан, вы уж лучше пошлите за полицией...
Пусть за каждым верноподданным на всякий
случай станет полицейский с автоматическим
револьвером.

Адъютант пошел к телефону.
— Стойте, капитан!
Адъютант остановился.

— Ведь полицейские — тоже французы?
— К сожалению, ваше высокопревосходи-
тельство...

— Тогда надо вызвать еще немцев... За
каждым добровольцем будет стоять полицей-
ский с автоматом, а за каждым полицейским —
немец с минометом.

И, опять вздохнув, маршал добавил:
— Вот так я, пожалуй, могу показаться
своим славным, добрым французам...

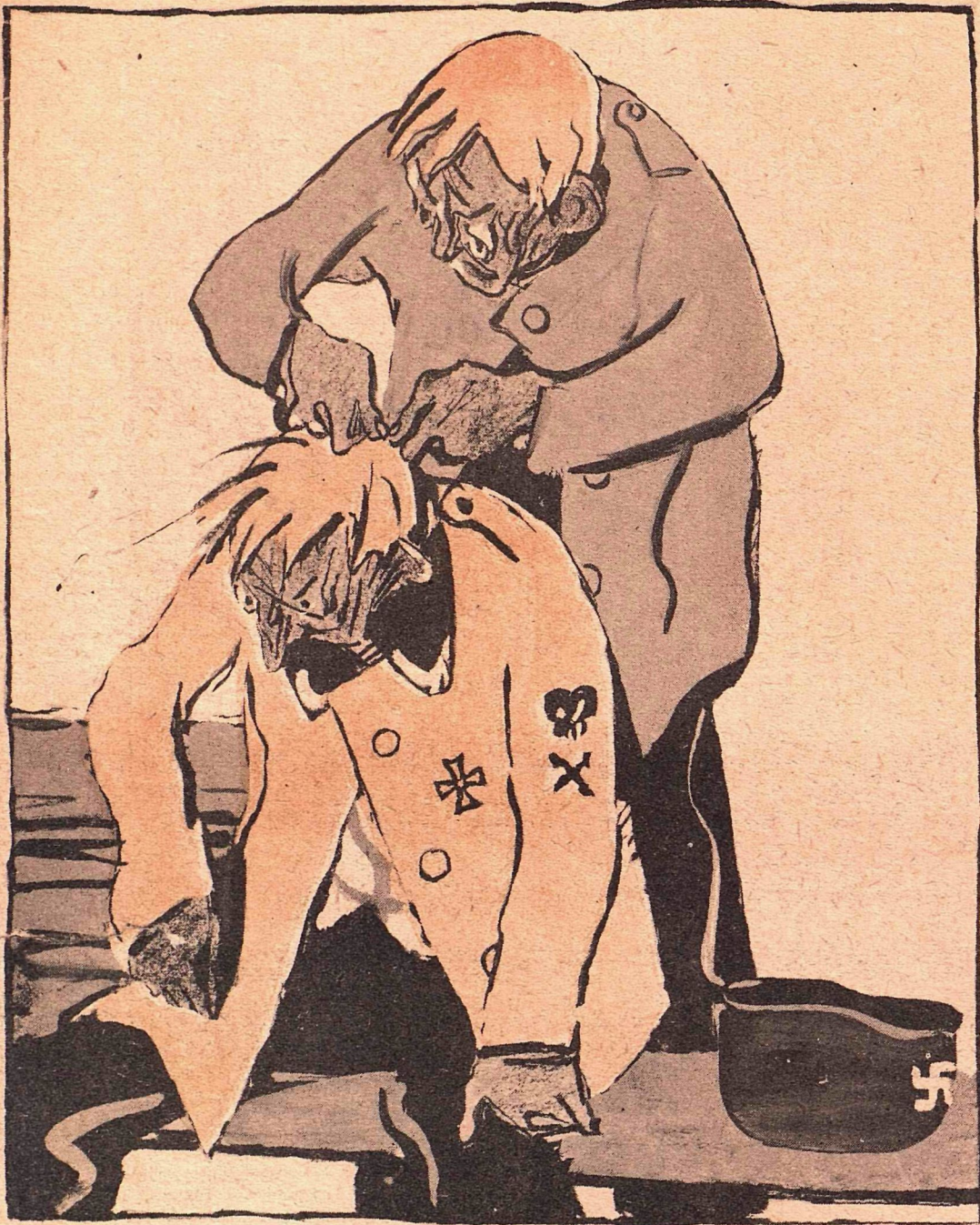
Неограниченный повелитель курорта для
подагриков Филипп Петэн погрузился в крес-
ло и закрыл глаза. Может быть, ему удастся
снова вздремнуть и во сне какой-нибудь фран-
цузский патриот горячо пожмет его старче-
скую, негнущуюся руку.

Наяву этого уже никогда не случится.

Евг. БЕРМОНТ

НАСЕКОМЫЕ ОДОЛЕЛИ

Рис. В. Горяева

— Наконец-то и у вас, господин обер-лейтенант, кое-что завелось в голове.

Старые песни на новый лад

(Частушки)

Чует зиму враг спесивый,
Выбивается из сил...
«Что ты ржешь, мой конь
реживый?
Что ты шею опустил?..»

Хлеба в селах не находишь,
А находишь штык и нож —
«Понапрасну, мальчик, ходишь,
Понапрасну ножки бьешь...»

Партизан — в тылу хозяин,
Спросит немца он всегда:
«Что ты ночью бродишь, Каин?
Чорт занес тебя сюда!»

Офицер фашистский дочке
Пишет с фронта два письма:
«В каждой строчке только точки —
Догадайся, мол, сама...»

Песня есть и у румына —
Воет, злобу затая:
«Извела меня кручина,
Подколотная змея!»

Снова «Юнкерса» над бором
Сбил зенитчик молодой —
«Ты не вейся, черный ворон,
Над моею головой!»

Наших конников — лавина!
Вражий штаб бежит в леса:
«Пропадай, моя машина,
Все четыре колеса!»

Наш отпор несокрушимый
У врага побавил прыть!
«Мы врагов страны любуемой
Били, бьем и будем бить!»

Алексей РЕЗАПКИН

Спектакль не состоялся

ГЕНЕРАЛЬНАЯ репетиция приближалась к концу. Актер несмотря на свой большой производственный стаж волновался, точно перед ним была многотысячная аудитория.

— Внимание! — поднял руку Чиано, взявший на себя постановку заключительной сцены. — Повторим последний эпизод. Итак, входит германский посол.

Лицо Муссолини сразу покрылось мертвенной бледностью.

— Шибко волнуюсь, — пролепетал он.

— Я краснею за отца моей дражайшей супруги! — негодуяше воскликнул Чиано. — Дуче вы или не дуче?

— Вот именно. Я дуче или не дуче? — быстро вошел в роль Бенито. — До каких же пор, Гитлер, ты будешь злоупотреблять долготерпением нашим? Кто дал вам право, господин германский посол, вмешиваться в дела нашей империи? Кто позволил вам вести себя на заседаниях совета итальянских министров, как хозяин среди подвластных ему слуг? Непобедимая итальянская армия...

— Сильнее нажмите на слово «непобедимая», — перебил актера Чиано.

— Удобно или? — уже без пафоса спросил дуче.

— Разве вы в этом сомневаетесь? — съехидничал режиссер. — Давайте дальше.

...непобедимая итальянская армия, — в голосе Муссолини появились металлические нотки, — показывает всему миру чудеса беспримерной храбрости. Где бы ни появились мои храбрые солдаты, их всюду ожидает горячий прием. Они уже проникли в Англию. Они отдыхают после боя в далекой Сибири, где противник, потрясенный их бесстрашием, организовал для них специальные лагеря. Как же вы смеете, господин посол, совать свой нос в те места, которые составляют нашу собственность? От имени своего и великой итальянской империи я говорю: «Вы требуете, чтобы я послал на Восточный фронт новые дивизии? Чорта с два! Вы требуете, чтобы я послал на германские заводы итальянских рабочих? Кукиш с маслом!» Это говорю я, потомок Цезаря, великий дуче. Так и передайте вашему Адольфу.

— Блестяще! — захлопал в ладоши Чиано. — Я узнаю папашу своей дражайшей супруги.

...Широко распахнулась дверь. На пороге стоял германский посол.

Воцарилась жуткая пауза.

2

— Я дуче или не дуче? — оробев, начал читать слова своей роли Муссолини. — До каких же пор...

— Не трепитесь, — остановил хозяина гость, — мне некогда. Фюрер приказывает вам послать десять дивизий на Восточный фронт и сто тысяч рабочих на германские заводы. Срок — трехдневный. Все.

Посол направился к выходу.

— Я краснею за папашу своей дражайшей супруги, — прошептал Чиано.

— Позвольте... Я дуче или не дуче? — собрав последние остатки смелости, стал мямлить Бенито.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил посол, уже открывавший двери.

— На спинке у вас волосок. Черный, — значит, вас любит брютетка, — хихикнул Муссолини. — Разрешите снять.

Дверь захлопнулась. Великий дуче, растерянный, стоял с волоском в руках. Его зять, министр иностранных дел Чиано, злобно покусывал ногти своей коленоной руки.

И. ВЕРХОВЦЕВ

НА УРОКЕ В БЕРЛИНСКОЙ ШКОЛЕ

Учитель: Фриц! Назови какой-нибудь предлог.

Ученик: Швеция не хочет быть вассалом Германии.

Учитель: Какой же это предлог?!

Ученик: Предлог для германской оккупации.

Учитель: Что ты породил! Предлог есть такая часть речи...

Ученик: Это тоже часть речи.

Учитель: Какой речи?!

Ученик: Речи Гитлера, проанонсированной по радио.

— Разрешите доложить, господин капитан: боевой дух солдат поднят, а солдат поднять невозможно.

Охотники за танками

ДОКЛАД СТАРШЕГО ФЕЛЬДФЕБЕЛЯ ЭБЕРТА

Старший фельдфебель Эберт доложил своему начальнику, что, заметив из своего окопа советский бомбардировщик, он решительно плюнул в него и метким своим выстрелом сбил самолет с большой высоты.

Старший фельдфебель Эберт доложил своему начальнику, что, вскочив на хвост мимо пролетевшей сороки-вороны, он залетел далеко в тыл противника, где окружил и уничтожил русскую дивизию.

Старший фельдфебель Эберт доложил своему начальнику, что он считает его, своего начальника, полноценным идиотом и перво-классным тупицей, поскольку герр офицер верит всякому дикому бреду.

Но, нет. Старший фельдфебель Эберт обо всем этом не докладывал своему начальнику. Он еще не решается сочинять свои рапорты в таком духе.

На данном этапе фельдфебель ограничился следующим донесением:

«Старший фельдфебель Эберт, — сообщает берлинское радио, — доложил своему начальнику, что он потопил 52-тонный русский танк...»

Чудо из чудес! Фашистский чудесник с фельдфебельскими нашивками сумел такую огромную машину — 52 тонны! — утопить в мокрой лужице.

«Он рассказывает, что, увидев танк, он бросил в него гранату. Граната не повредила танка...»

Обратите внимание, какой прочный танк! Для него удар гранаты — словно укус комара. Вот это и обидело фельдфебеля. Фельдфебель осерчал. А надо вас предупредить, что страшен фельдфебель Эберт в гневе своем.

Обо всем этом берлинское радио дает самые подробные сведения:

«Граната не повредила танка, и Эберт при-

шел в такое возмущение, что решил потопить его».

Но где взять хоть немножко влаги, чтоб утопить этот несносный танк? Искал фельдфебель, искал и обрел:

«Он заметил болотистое место и погнался своим пулеметом танк к этому месту. Танк опрокинулся и затонул».

Не боится танк гранаты, но испугался пули. И доблестный фельдфебель гонялся с пулеметом в руках за 52-тонным танком. И танк бежал от пулемета быстрее лани, пока не угодил в лужицу и не затонул. Лишь после этого у фельдфебеля отлегло от сердца, и он помчался к начальнику с рапортом о своей победе.

Вот какие у них фельдфебели! Вот какие начальники! И вот какие радиопередачи сочиняются на потеху публике!

НЕ ОТСТАЕТ И ЛЕЙТЕНАНТ ПЕЛЛЕ

Вполне допускаем, что бесстрашный фельдфебель Эберт гонялся с пулеметом в руках за колхозной уткой.

И это он ее, утку, изловчился утопить в болотце.

Но спяну он принял безобидную домашнюю птицу за русский 52-тонный танк.

Возможно, что вообще ничего этого не было. И вся история фельдфебеля Эберта — оплошная утка.

Но так или иначе, а хельсинское радио решило похвастаться и своим, финским охотником за танками.

В качестве чудо-героя здесь выступает финский лейтенант Пелле. Он чином старше фельдфебеля. Оно и вполне понятно: то, что дозволено немецкому фельдфебелю, можно разрешить только финскому офицеру.

И вот идет лейтенант Пелле по чистому

полю. А навстречу ему поадаеся русский танк — и опять-таки 52-тонный.

Он решил его уничтожить. Но есть не танк решил уничтожить лейтенанта, а лейтенант решил уничтожить танк. Но...

«Но танк предпочел удрать от лейтенанта. Пелле был ранен...»

Вот какой страшный этот лейтенант! Он ранен, упал. Но все-таки танк не хотел с ним связываться и стремительно побежал.

Что стало дальше с танком, неизвестно. А вот послушайте, как повел себя дальше мужественный Пелле.

Его, раненого, вскоре подобрали финские солдаты и понесли к перевязочному пункту. Но по дороге...

«Но по дороге, — как сообщает хельсинское радио, — он так быстро поправлялся, что в состоянии был пройти пешком дорогу в один километр. Настоящий финский спортсмен!»

Никаких перевязок. Никакой медицинской помощи. Пусть сочится кровь из раны. Настоящий финский спортсмен обходится без таких пустяков.

Его тащат на носилках, а он в порядке самостоятельности поправляется.

Отощил пять шагов — и Пелле почувствовал себя лучше. Еще десять шагов — и он со смехом вокакивает с носилок и бодрым шагом идет вперед.

Идет и ищет, где бы взять еще один 52-тонный танк, чтоб вступить с ним в поединок.

Идет и ищет, где бы сейчас подцепить какого-нибудь идиота из хельсинского радио, который написал бы о небывалом подвиге лейтенанта Пелле.

Танк больше ему не попадался. Но радиоидаот, судя по всему, встретился на пути бравого лейтенанта...

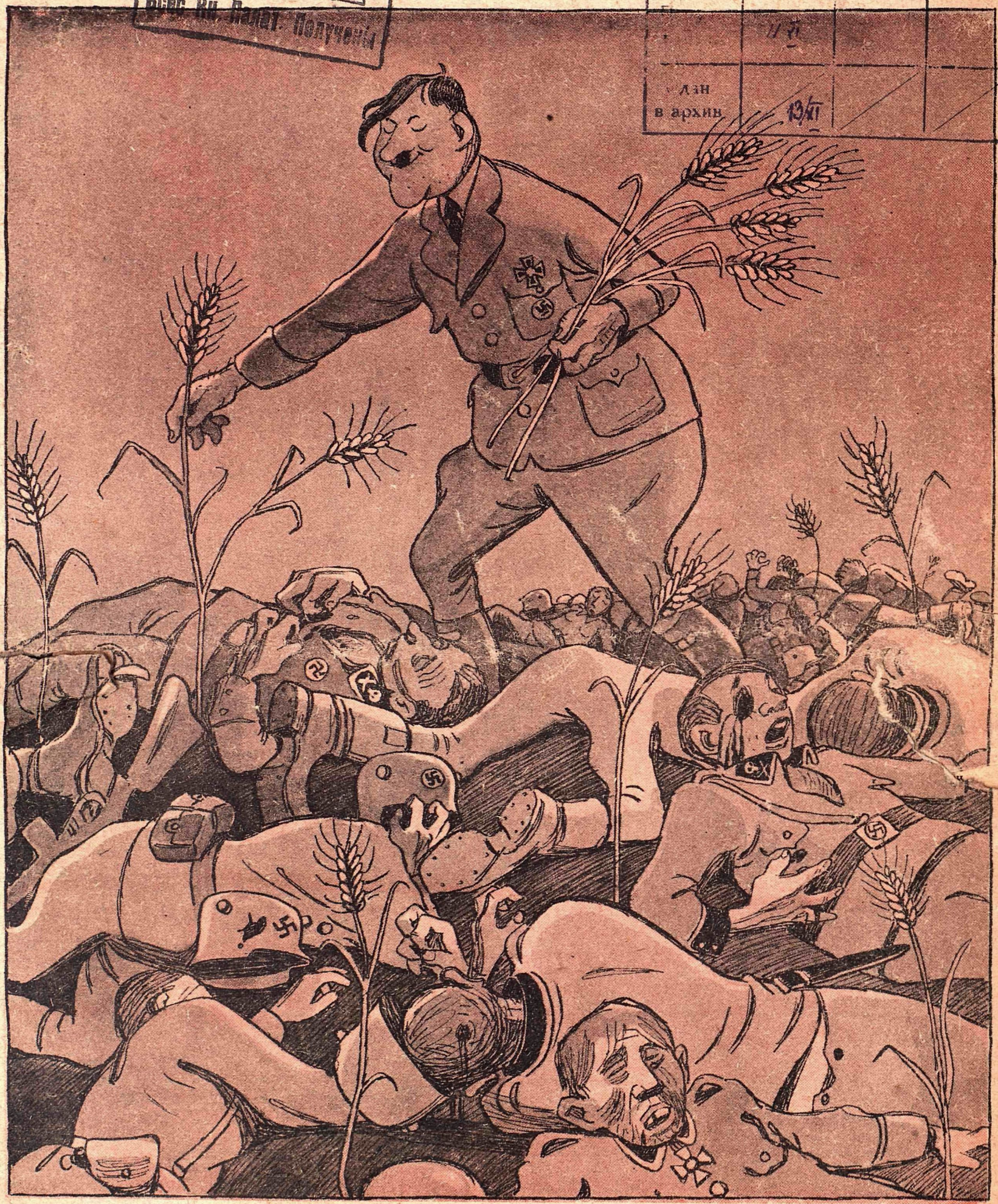
Г. РЫКЛИН

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ
11НОВ1941
Всес. Кн. Палат. Получены

ЗАБОТЫ ФЮРЕРА

№	Имя	Возраст	Профессия	„Журн. лет“
1	Иван	45	Рабочий	
2	Петр	35	Учитель	
3	Александр	55	Доктор	
4	Мария	25	Сестра милосердия	
5	Сергей	60	Пенсионер	

Рис. Ю. Ганфа

ЮГ 41

— Пошлю этот хлеб берлинцам, пусть успокоятся.